

Думал, что это бродячая собака, а оказался волчонок.

— Малыш, если будешь так на меня смотреть, я выковыряю тебе глаза, — полушутя сказал Вэнь Цзыцянь.

Цинь Цан, несмотря на юный возраст, за год скитаний на улице повидал немало хулиганов и знал, что многие из них — серьёзные личности, с которыми ему сейчас не справиться. Неохотно он отвёл взгляд, надув щёки, и уставился на тарелку перед собой, где после бурного обеда остался лишь тонкий слой бульона.

Вэнь Цзыцянь, закатав рукава, убрал тарелку и стол:

— Отдыхай, ты же раненый.

Убрав всё, он сел на диван неподалёку и начал листать книгу. На самом деле он приехал сюда, чтобы скрыться от семьи Вэнь, которая всегда вызывала у него чувство беспокойства.

Цинь Цан вёл себя тихо, не шумел и не капризничал, лишь время от времени украдкой поглядывал на Вэнь Цзыцяня.

В комнату зашёл врач, осмотрел мальчика и обратился к Вэнь Цзыцяню:

— Где ваши родители?

— Они ушли отдохнуть, вернутся к обеду, — ответил Вэнь Цзыцянь, вставая.

Медсестра готовилась сделать укол Цинь Цану. Мальчик, стиснув зубы, выглядел испуганным, но с видом героя протянул руку медсестре, словно демонстрируя свою храбрость.

Вэнь Цзыцяню показалось, что этот парень забавный, и он невольно разглядывал его короткую стрижку, квадратное лицо и яркие чёрные глаза, которые сильно отличались от его собственных. Юный возраст и малое количество жизненного опыта делали его взгляд ясным, но в то же время в нём сквозила некая непокорность, редкая для мальчишек. Его прямой нос и чётко очерченные губы придавали лицу упрямый характер. Если он продолжит развиваться в таком духе, то, повзрослев, станет настоящим головорезом.

— Да, этот ребёнок действительно сильный, взрослым можно не беспокоиться, — похвалил врач. — Другие дети кричат как резаные, а этот парень вчера, когда ему вправляли кость, даже не пикнул, всю ночь не жаловался, даже обезболивающее не просил. Он сильнее, чем многие взрослые.

Вэнь Цзыцянь перевёл взгляд на врача:

— Эта рана очень болезненная?

Врач улыбнулся:

— Конечно, больно. Перелом кости — это не шутки. Твою кость буквально разломали пополам, как ты думаешь, больно ли это? Даже если просто порезать руку, это уже больно.

После того как врач и медсестра ушли, Вэнь Цзыцянь подошёл к Цинь Цану и внимательно его осмотрел:

— Не ожидал, что ты такой стойкий, малыш. У тебя что, нет болевых ощущений?

Цинь Цан посмотрел на него:

— Больно! Конечно, больно, просто умираю от боли!

Вэнь Цзыцянь удивился:

— Ты действительно можешь терпеть? Не ожидал, что ты такой крепкий парень, это удивительно.

Цинь Цан сжал губы и замолчал, видно было, что у него есть что-то на душе.

Вэнь Цзыцянь сказал:

— Если есть что сказать, говори. Разве ты не слышал, как дядя Ван называет меня молодым господином? Мои слова имеют вес.

Услышав это, глаза Цинь Цана загорелись, но затем снова потухли, словно он не был уверен в словах юноши. Но, оказавшись в такой ситуации, кому ещё он мог доверять?

— Ты можешь оставить меня у себя? Не отправляй меня обратно? — вдруг поднял глаза Цинь Цан, его чёрные зрачки устремились прямо в глаза Вэнь Цзыцяня, в них читалась сильная жажда, как у ребёнка, который пережил много страданий.

Вэнь Цзыцянь вдруг не смог ответить. Он был ещё молод, его возможности ограничены. Хотя его и называли молодым господином, он понимал, что это не более чем формальность. Кто в этом доме действительно будет слушать его?

Цинь Цан, видя его колебания, начал нервничать, схватил его за рукав, но случайно задел рану, от боли он упал на кровать, едва сдерживая слёзы.

— Что мне сделать, чтобы остаться? Мне тоже нужно называть тебя молодым господином? — Ему было всего четырнадцать, и его мысли были простыми. После года скитаний, голода и холода он наконец оказался в тёплой постели и боялся потерять это укрытие, снова оказаться в тёмных переулках.

Вэнь Цзыцянь не знал, смеяться или плакать:

— Нет... Ты же живой человек, как я могу просто так взять тебя к себе? Если твои родители найдут тебя, они скажут, что мы тебя похитили.

Цинь Цан, стиснув зубы от боли, снова схватил рукав белой рубашки Вэнь Цзыцяня. В его глазах уже не было упрямства, только отчаяние и мольба.

— Никто не будет искать меня, — сказал он. — Они бы хотели, чтобы я умер...

Вэнь Цзыцянь смотрел на него, слушая его рассказ о своей жизни.

Цинь Цан был человеком с тяжёлой судьбой, как говорили в народе — его судьба была слишком тяжёлой, он приносил несчастья родным и друзьям, был так называемым «одиноким волком».

— Моя мама умерла от сильного кровотечения, когда рожала меня. Мои родители очень любили друг друга, и после смерти мамы отец, видя меня, испытывал боль, поэтому отправил меня в деревню. Я жил там до шести лет, пока мой дедушка не умер от инсульта, а бабушка

утонула в пруду, работая в поле. После их смерти отец забрал меня домой, но к тому времени он уже женился снова. У меня появилась мачеха и младший брат. Хотя мачеха и брат не очень любили меня, пока отец был жив, я хотя бы мог есть, одеваться и ходить в школу.

Ребёнок есть ребёнок, когда он доходил до печальных моментов, его глаза наполнялись слезами.

История Цинь Цана сильно резонировала с Вэнь Цзыцянем. У обоих умерли матери, их забрали домой в шесть лет, и оказалось, что у отцов уже есть новые жены и дети. Где было их место в этой семье?

Когда отец обзавёлся новой семьёй, старый ребёнок стал ненужным, просто из жалости к кровным узам, чтобы не дать умереть с голоду.

Вэнь Цзыцянь, слушая эту историю, чувствовал, как его сердце то опускается, то поднимается. Он не удержался и спросил:

— А твой отец? Он хорошо к тебе относился?

— На самом деле отец хорошо ко мне относился, — упрямо вытер слёзы Цинь Цан и продолжил:

— Но он был военным и редко бывал дома, возвращался раз в год и оставался не больше месяца. Когда отец был дома, мачеха относилась ко мне хорошо, но как только он уезжал, она сразу начинала меня игнорировать. Мне некуда было идти, нужно было есть, спать, учиться, всё это требовало денег, и даже если мне было больно, я мог только терпеть и смотреть на мачеху с надеждой... Но... но я несчастливый человек. В прошлом году отец приехал домой в отпуск и утонул, спасая женщину... Отец тоже умер... — Мальчик больше не мог сдерживаться и горько заплакал.

— Это всё из-за меня. Мачеха сказала, что если я не уйду из дома, я погублю и моего брата... Поэтому я не могу вернуться... Никогда не могу вернуться...

Так он сбежал из дома год назад, терпя голод и холод, но больше не осмеливался вернуться. Он боялся резкого голоса мачехи, которая кричала на него: «Ты проклятый, это ты погубил своих бабушку и дедушку, ты убил своего отца... Зачем ты вернулся в этот дом? Зачем ты разрушаешь мою жизнь? Ты погубишь всех!»

Цинь Цану не было и тринадцати, когда он ушёл из дома. Он даже присоединился к банде нищих, где их использовали как инструмент для выпрашивания денег. Каждый день они должны были выполнять норму, и это был самый тёмный год в его жизни. Он видел, как детей, которые не могли собрать достаточно денег, безжалостные бандиты калечили, отрубая им руки и ноги, и выставляли на всеобщее обозрение, чтобы выпрашивать деньги. Боясь такой участи, он сбежал, когда представилась возможность.

Вэнь Цзыцянь, услышав это, широко раскрыл глаза, ему было и жаль мальчика, и страшно за тех детей, которые стали жертвами такой жестокости. Этот мир был полон тьмы, о которой он даже не подозревал, и одно только слушание этой истории вызывало у него дрожь.

Он подумал: «Такого несчастного мальчика я просто обязан помочь». Он похлопал Цинь Цана по плечу:

— Раз так, я беру тебя под своё крыло. Я поговорю с отцом, это же всего лишь лишняя тарелка

и порция еды. Когда приедешь в семью Вэнь, будешь жить со мной, я позабочусь о тебе.

Цинь Цан поднял на него глаза, в них сверкали искры надежды, словно он смотрел на спасителя.

В тот год Цинь Цану было четырнадцать, а Вэнь Цзыцяню — шестнадцать. Их случайная встреча стала началом новой судьбы.

Вэнь Цзыцянь, хотя и был в подростковом возрасте, понимал границы и знал, что под чужим крылом нужно держать голову низко.

Он вернулся домой в назначенное время, праздник уже начался, Вэнь Юаньхан вместе с женой и детьми обходил гостей.

Он стоял у железной арки в саду, над ним цвели розы, по бокам стояли ароматные лилии, под ногами лежал мягкий красный ковёр. Он чувствовал себя неудобно, словно был чужим в этом мире.

<http://bllate.org/book/16224/1457297>